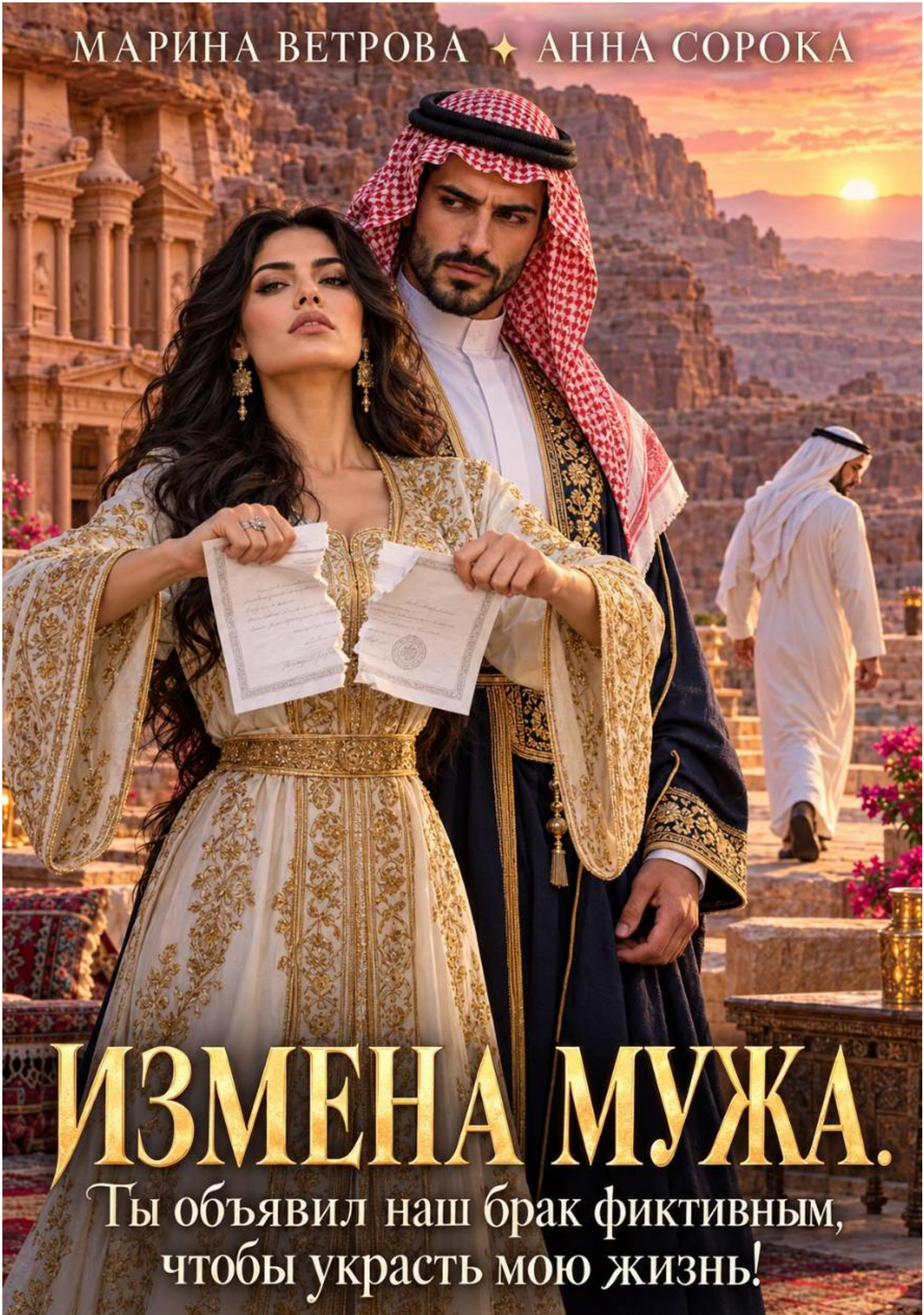

МАРИНА ВЕТРОВА ✦ АННА СОРОКА
ИЗМЕНА МУЖА.
Ты объявил наш брак фиктивным,
чтобы украсть мою жизнь!

Анна Сорока

Измена мужа. Ты объявил наш брак фиктивным, чтобы украсть мою жизнь!

«Автор»
2026

Сорока А.

Измена мужа. Ты объявил наш брак фиктивным, чтобы украсть мою жизнь! / А. Сорока — «Автор», 2026

Десять лет я называла Рауфа мужем. А однажды за завтраком он протянул мне бумагу: наш брак якобы фиктивный. Подпиши — и останешься без дома, работы и права жить в стране.Я думала, хуже предательства ничего нет. Ошибалась.Муж использовал моё имя, чтобы скрыть хищения, и теперь собирается сделать виновной меня.Когда все двери захлопнулись, появился Джем — опасный юрист, который умеет превращать чужую ложь в доказательства.Но почему он так настойчиво защищает меня? И смогу ли я довериться мужчине, у которого тоже есть свои тайны?Бывший уверен, что уничтожил мою жизнь.Скоро он узнает, как ошибался и как дорого заплатит.

© Сорока А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Бумага с золотым обрезом 5
Глава 2. Флигель за стеной 7
Глава 3. Чужие подписи 9
Глава 4. Человек с портфелем 11
Глава 5. Золотая клетка с ключами 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Марина Ветрова, Анна Сорока
Измена мужа. Ты объявил наш брак фиктивным, чтобы украсть мою жизнь!

Глава 1. Бумага с золотым обрезом

Бумага была японская, с золотым обрезом — я запомнила её края, как запоминаю трещину на керамике: мгновенно, навсегда. Рауф положил её на стол посреди завтрака, между вазой с инжиром и моей чашкой с кардамоном, и сказал:

— Подпишешь после кофе.

Я смотрела на лист. Свет из окна падал на заголовок, и золотая кромка вспыхнула, как лезвие.

— Что это, Рауф?

— Ходатайство об аннулировании брака. — Он говорил буднично, так говорят о перестановке мебели. — Десять лет, Мира. Пора перестать притворяться.

Я не потянулась к листу. Руки лежали на скатерти — льняной, из Асьюта, я сама привезла её с ярмарки, — и я чувствовала, как под пальцами твердеет ткань, будто я пытаюсь вцепиться в неё и удержать дом.

— Фикция, — повторил он. — Брак был фиктивным. Ты прекрасно понимаешь, зачем он был нужен. Вид на жительство. Положение. Имя. — Он улыбнулся своим безупречным ртом. — Все пункты выполнены. Спасибо за сотрудничество.

Десять лет. Десять лет я вставала в шесть, потому что утренний свет в восточном зале ложится на мозаику так, что видно каждую реставрацию. Десять лет я писала описи, спорила с торговцами, отказывалась от подделок, которые он так хотел купить дёшево и продать дорого. Десять лет он носил моё имя на своих визитках — «Рауф Сайфи, директор по культурным проектам», — и имя это держалось на мне, как крыша на несущей стене.

— Ты не подпишешь, — сказала я. Голос был ровный. За это я платила годами спокойных рук: эксперт не дрожит над сосудом.

— Мне не нужна твоя подпись. — Он отломил инжир пополам. — Мне нужно решение. Оно уже подано. Курьер был сегодня в восемь.

Я посмотрела на часы. Было одиннадцать утра. Три часа. Три часа я пила кофе, проверяла условия хранения ритуальных сосудов, распоряжалась о вентиляции в хранилище — и всё это время я уже была никем.

— Мира. — Рауф вытер пальцы салфеткой. — Не устраивай сцену. Ты никогда не умела устраивать сцены, в этом была твоя прелесть.

Из коридора послышались шаги. Наджиб-ага, наш дворецкий, мужчина шестидесяти лет, который носил мои ящики с каталогами, как носят реликвии, остановился в дверях с серым конвертом. Его лицо было каменным, но пальцы подрагивали.

— Госпожа Мира... там люди. Из канцелярии. Просят ваши ключи. От хранилища.

Ключи. Мои ключи. Я носила их на отдельном кольце, тёплых от тела, двенадцать штук, и знала каждую на ощупь с закрытыми глазами — вот эта со стёртой насечкой от западной витрины, вот эта от сейфа с миниатюрами.

— Пусть ждут, — сказал Рауф.

— Пусть войдут, — сказала я одновременно с ним.

Вошли двое: клерк с планшетом и человек, которого я никогда не видела, — значит, нанятый сегодня. Клерк читал по бумажке, ровно и вежливо: права доступа госпожи Миры

Сайфи к фондам резиденции приостановлены решением семейного совета, имя снимается с попечительских списков, доступ в хранилище прекращён с текущего часа. Госпожа просящая обязана освободить основные покои к вечеру. Ей предоставляется флигель в восточной части сада.

— Семейного совета, — повторила я. — Когда совет успел?

— Вопросы к господину Сайфи, — сказал клерк и отвернулся, потому что смотреть в мои глаза было, видимо, неудобно.

Человек с планшетом протянул открытую ладонь. Я сняла кольцо с ключами — медленно, ключ за ключом, дала себе почувствовать каждый, — и положила в его руку. Последним ушёл тот, от сейфа с миниатюрами. Он был ещё тёплый.

— Вот и всё, — сказал Рауф за моей спиной. — Легко же.

Я обернулась. Он сидел в своём кресле — кресло купили под него в Марракеше, я торговалась за него два дня, — лоснящийся, умытый, довольный, в часах, которые я подарила ему на пятую годовщину.

— Почему сегодня? — спросила я.

Он пожал плечами. И в этом пожатии — небрежном, пустом — было что-то, чего я не разобрала тогда. Взгляд на секунду скользнул в сторону кабинета. В сторону сейфа с документами. Будто он проверил, заперто ли.

— Потому что кончилось, Мира. Всё кончается.

До вечера я собирала вещи. Не украшения — я оставила их, они были его подарками, а подарки теперь ничего не значили. Я собирала лупу с бронзовой ручкой. Четыре свои блокнота с описями — рука с рукой, моим почерком, датированные годами. Фотографию матери. Три платья. Наджиб-ага помогал молча, и когда он накрыл мои блокноты старым шерстяным платком, чтобы не замять углы, я едва не разрыдалась прямо там, у шкафа.

— Госпожа, — сказал он мне в спину, тихо, чтобы не слышали в коридоре. — Десять лет я ношу ваши ящики. Я помню, чьими руками дом этот стал домом.

— Не надо, Наджиб.

— Надо. — Он выпрямился. — Пусть хоть кто-то это скажет.

В сумерках я перешла сад — по гравийной дорожке, мимо роз, которые я сама пересаживала третьей весной, — во флигель. Дверь пахла плесенью и запустением. Я зажгла лампу, поставила на подоконник блокноты, села на край чужой койки.

Внизу, в доме, загорелись окна. Я видела зал, где мы ужинали. Видела жёлтые квадраты окон хранилища, где без меня начиналась ночь — а лампы там должны гаснуть в определённом порядке, иначе перепады влажности убьют папирусы. Я следила за окнами, считая: восточное, центральное, западное. Погасли не в том порядке.

Кто-то уже правил мой дом по своей памятке. И в этой памятке не было ни одной строчки моими словами.

Я взяла первый блокнот, открыла на середине — моя рука, мои даты, мои чернильные пометки на полях, — и вдруг поняла вещь, от которой стало холодно во флигеле, несмотря на включённый обогреватель.

Рауф не смотрел на меня, когда говорил «почему сегодня». Он смотрел на кабинет. На документы. Человек, который аннулирует брак из чистой прихоти, не проверяет, заперт ли сейф. Человек проверяет сейф, когда боится, что оттуда что-то достанут.

Или когда прячет туда то, что не должно быть найдено.

Глава 2. Флигель за стеной

Первое утро во флигеле началось с осы. Она билась о стекло, злая и глухая, и я подумала: вот и вся разница. В доме окна были с двойными рамами, с сетками, со смотровыми стёклами, которые я сама заказывала для витрин. Здесь стекло было одно и в трещине.

Я вскрыла её пакетик чая — последний из тех, что зачерпнула в кладовой дома, — и на дне пакетика обнаружила засохшую гвоздику. Пять зерён. Я разложила их на блюдце ровным веером, просто чтобы пальцы что-то делали, чтобы руки не дрожали.

На третий день пришла свекровь.

Лейла Сайфи входила в помещения, как входит прилив: без стука, без согласия, заполняя всё до последнего угла. Она была в бежевом, в бриллиантовых серёжках, и от неё пахло тем же парфюмом, что и от гостиной дома, — я десять лет дышала этим запахом и только теперь поняла, что он удушающий.

— Ты здесь живёшь, — сказала она, оглядывая комнату, как оглядывают чужую грязь.

— Я здесь живу, мама Лейла.

— Не называй меня так. — Она села, не снимая перчаток, на единственный стул. — Слушай внимательно, девочка. Десять лет ты была удобной. Это твоя заслуга. Сейчас ты можешь стать неудобной, и это станет твоим позором. Бумага подписана, решение принято. Семья закрывает историю. Твоя работа — молчать.

— О чём мне молчать?

— О всём. — Она посмотрела на мои блокноты на подоконнике, и взгляд её задержался — на секунду дольше, чем следовало. — Особенно о бумагах. Описи, каталоги, вся твоя писанина. Не лезь с ней ни к кому. Ни к торговцам, ни к фондам, ни к совету. Ты была женой Рауфа — это твоё прошлое. Не делай его своим будущим.

— Мне нечего скрывать, мама Лейла. Я десять лет работала с этой коллекцией.

— Ты обслуживала витрины. — Она встала, одёрнула жакет. — Работа — это когда платят. Тебе платил муж. Значит, ты была служанкой с хорошим словарём.

Дверь за ней закрылась мягко, дорогой петлёй — те самые петли я выбирала для дома.

Я стояла посреди флигеля, и зёрна гвоздики на блюдце казались мне маленькими чёрными гвоздями. Служанкой с хорошим словарём. Хорошо. Я запомню и это.

Вечером того же дня я сделала то, чего мне запретили: обошла стену. Садовая калитка в дальнем углу, у компоста, — я сама настаивала на ней двенадцать лет назад, когда мечтала, что буду ходить на склады пешком. Замок заменили. Но калитку ставили по моим чертежам, и я знала, что под нижней петлёй есть люфт: поднять, оттянуть, провести по дуге. Металл заскрежетал, но поддался.

Складские помещения резиденции — три длинных зала с климат-контролем — стояли на особом учёте, и мой пропуск туда отозвали. Но у сторожа Салима, старика, который тридцать лет следил за влажностью по самодельному графику, пока я не поставила датчики, была привычка: ужинать в будке с открытым монитором и не запирать внутреннюю дверь, потому что «от меня, Мира, всё равно ничего не спрячешь».

— Салам, Салим.

Он поднял на меня глаза, полные вилки с макаронами, и тарелка дрогнула.

— Госпожа... тебе нельзя.

— Я мимо иду. Посмотрю на датчики. Они скучают без меня.

— Мира... — он положил вилку, и голос его упал до шёпота. — Мне приказано звонить, если ты появишься.

— Тогда звони. Когда я выйду.

Я прошла в зал Б — фонды керамики и стекла, моя территория, моя биография в витринах. Свет вспыхнул по датчику. Я шла мимо стеллажей, читая инвентарные номера, как читают стихи, и первые два ряда были в порядке. Третий ряд. Четвёртый. Пятый.

Пятый ряд кончился на середине.

Стеллаж, где стояли селадоновые сосуды, — двенадцать позиций, я помнила каждую по весу, — стоял пустой наполовину. Не разграбленный: пустой аккуратно. С полок сняли шесть предметов, полки протёрли, инвентарные карточки...

Карточки были на месте. Я вытащила одну, поднесла к лампе. Место инвентарного номера было заклеено полоской свежей бумаги. Сверху — перепечатанный номер и внизу, мелко, в графе «перемещение»: «передано по акту директора по культурным проектам». Дата. Подпись.

Моя подпись. Ровная, уверенная, моя — до последнего росчерка в букве «м».

Только вот я не подписывала ни одного акта за последние одиннадцать месяцев. И я держала в руках доказательство того, что тот, кто рисовал мою подпись, видел оригинал: подделка была слишком хороша. Её делал не клерк. Её делал тот, кто часами сидел над моей подписью, изучал нажим, наклон, длину росчерка.

Я стояла в пустом зале среди гула вентиляции и слушала, как стучит собственное сердце. Шесть селадонов. А сколько ещё? Я пошла дальше, зал за залом, и повсюду находила то же: чистые полки, заклеенные номера, мои несуществующие подписи. Кто-то годами выносил из фондов коллекцию — мою коллекцию, — и каждое перемещение было подписано мной. Задним числом. Красиво. Системно.

Это была не прихоть. Это была схема, а «фиктивный брак» — фантик, в который её завернули, чтобы, когда вскроется, всё хищение падало на имя жены. На женщину без статуса, без допуска, без права говорить.

Я вернулась во флигель, зажгла лампу, сняла копию той единственной карточки — телефоном, три кадра, — и села писать. Не жалобу. Список. Что похищено, что я помню, где, когда, в каком состоянии. По памяти. Вся коллекция — по памяти, потому что память была единственным, что у меня не отняли.

Под утро, когда я дописывала девятую страницу, я поняла ещё одну вещь. Подделать подпись — легко. Подделать десять лет описей, каталогов, экспертиз, где каждый предмет привязан к моему почерку, моим датам, моим спорам с торговцами, — невозможно. Если поднять архивы, вся схема рассыплется, как сухая глина.

Именно поэтому свекровь сказала: не лезь со своими бумагами ни к кому.

Значит, они боятся моих бумаг.

Глава 3. Чужие подписи

Слушание назначили в большом зале совета резиденции — на девять утра, в четверг, и я узнала о нём из записки, подсунутой под дверь флигеля. Почерк был Наджиб-аги: «Зал совета, 9:00. Приди. Держи спину». Держи спину. Это старик переписал мне всю мою жизнь двумя словами.

Зал я знала лучше, чем собственную спальню: двенадцать кресел старейшин полукругом, длинный стол посредине, окна на восток — утренний свет падает на говорящих, и противник всегда щурился. Я настаивала на такой планировке, когда зал переделывали.

Я не щурилась. Я смотрела прямо.

Меня посадили на стул напротив стола — как свидетеля, как фигуранта, как вещь. Напротив сидели три юриста семьи, Рауф — в сером, сдержанном, вдовьем, — и Лейла, в чёрном, с чётками из чёрного коралла в руках. Коралл она перебирала, и звук костяшек был единственным, что я слышала первые пять минут.

Юрист читал. У него был голос, поставленный на инвентаризацию: ровный, без интонаций, идеальный для бумаг.

«...перемещение ценностей из фондов резиденции производилось на основании актов, подписанных госпожой Мирой Сайфи в период с четырнадцатого марта прошлого года по июнь текущего... акты представлены совету... подписи заверены...»

Стоп.

— Простите, — сказала я.

Председательствующий, старейшина Амин, поднял глаза.

— Тебе дали говорить, когда спросят.

— Вы зачитали акты с моей подписью. Я прошу показать мне один.

Пауза была маленькая, полсекунды, но я её поймала. Юристы переглянулись — не с Рауфом, а между собой, быстро, как переглядываются люди, у которых всё расписано.

— Это формальность слушания об аннулировании брака, — сказал юрист. — Акты относятся к другому производству.

— Тогда зачем вы их зачитываете?

Амин постучал костяшками по столу.

— Покажи ей. Чтоб не было разговоров.

Мне подали папку. Я открыла её неторопливо, дала себе время: судорога в пальцах — это нормально, судорога — не дрожь. Акт. Акварельная бумага, водяные знаки правильные, печать фонда настоящая. Дата — февраль, у меня тогда был бронхит, я не вставала две недели, Рауф приносил мне чай в постель и, оказывается, уносил из стола листы с моими реквизитами. Подпись.

Моя. До последнего нажима.

— Красиво, — сказала я вслух.

— Что? — юрист наклонился.

— Я сказала — красиво сделано. — Я подняла голову и посмотрела на Рауфа. Он смотрел в окно. У него был профиль человека, который смотрит в окно. — Три вопроса к залу. Первый: где оригиналы, которые я подписывала лично? У каждой моей подписи за десять лет есть двойник в архиве фонда — контракты, заказы, переписка. Почему для сравнения не подняли архивы?

Молчание. Чётки Лейлы замерли.

— Второй: почему все акты датированы периодом, когда я болела, была в поездке или — вот этот, февраль, — когда я две недели не вставала? Кто подписывал за меня тогда?

— Госпожа, — юрист потянулся к папке.

— И третий. — Я встала. Наджиб-ага был прав: держи спину. — Я — хранитель этой коллекции. Двенадцать лет. Если бы я выводила ценности, я бы сделала это так, чтобы не найти ни один предмет, верно? Так вот, я их найду. Все шесть селадонов, всё, что вынесено по этим красивым актам. Потому что вещи с историей происхождения не растворяются. У каждой есть след. И след ведёт не туда, куда вы хотите.

— Сядь, — сказала Лейла. Тихо, и в этой тихости было больше ужаса, чем приказа.

— Уже сижу. — Я села. — Продолжайте.

Юрист продолжал — про фиктивность, про «брак без сожительства и общего хозяйства», про показания «свидетелей», — но я уже не слушала. Я слушала другое: как изменилось дыхание в зале. Старейшины не спорили со мной. Старейшины молчали так, как молчат люди, которые услышали лишнее.

Рауф всё это время не смотрел на меня. А потом — в самом конце, когда Амин объявил перерыв до вечера — посмотрел. Одну секунду. И в этой секунде не было ни обиды, ни бравады.

В этой секунде был расчёт. Быстрый, холодный, оценивающий — он смотрел на меня, как смотрят на предмет, который, возможно, придётся продать. Или убрать.

Меня провели к выходу. В коридоре пахло мастикой и кофе; где-то смеялась прислуга, не зная. Наджиб-ага ждал у двери с моим пальто — приехал, вопреки всему запретному, — и, подавая его, сказал одними губами:

— Они боятся.

Я знала. Впервые за десять лет я знала точно, что делать, и от этого руки наконец перестали ныть.

Дома — во флигеле — я выложила на стол три кадра с телефона, лист бумаги и начала составлять письмо. Не в семью, не в фонд. Туда, где сидят люди, для которых слова «аудит фондов» звучат как приговор: независимая экспертиза, которую совет холдинга «аль-Карам» приглашал дважды за историю резиденции, и оба раза — по делам, которые закончились чьими-то головами.

Я не знала, кто ответит. Я знала только, что моя подпись — подделка.

А подделку можно доказать. Нажим, наклон, скорость, привычный росчерк, который я ставлю после «ф» слева, а не справа. Всё это — в десяти тысячах страниц моего почерка, разбросанных по архивам, галереям, торговым домам трёх стран. Нужно было только, чтобы кто-то очень опасный захотел это поднять.

Конверт я запечатала вечером. И пока сушил клей, поймала себя на том, что улыбаюсь — впервые с того завтрака с японской бумагой.

Пусть поднимают. Пусть читают каждую мою букву. Мой почерк меня спасёт.

Глава 4. Человек с портфелем

Ответ пришёл через одиннадцать дней — и это была не бумага. Это был человек.

Я узнала о его приезде раньше, чем увидела: по тому, как в девять утра у главного входа встали две чёрные машины без опознавательных знаков, как Наджиб-ага — Наджиб-ага! — сбежал по лестнице, поправляя пояс, как сад притих, а сады резиденции не притихают никогда.

Джема Халеда я раньше видела дважды: один раз — в дальнем конце зала на ежегодном приёме холдинга, второй раз — на фотографии. На обеих картинах было одно и то же: мужчина под сорок, в тёмном костюме, без единой лишней детали, с лицом, которое не улыбалось даже тогда, когда улыбались все вокруг. Юрист и силовой партнёр холдинга «аль-Карам». Человек, чьё слово на совете было не мнением, а вердиктом. О нём говорили мало и вполголоса — так говорят о ножах.

Он вошёл в зал аудиенций без стука и, кажется, без причины переводить взгляд: он не разглядывал роскошь. Он разглядывал людей.

— Совет объявил внешний аудит фондов резиденции, — сказал он вместо приветствия. Голос был низкий, ровный, без нажима — и именно от этой ровности у присутствующих остановились руки. — Срок — два месяца. Всё, что было перемещено, продано, списано и «потеряно», будет установлено. Лично я интересуюсь одним: бумагами.

Он положил на стол портфель. Кожа, потёртая на углах, — старый, рабочий, нелакированный портфель, до странности живой среди резидентского лоска.

— Вакансий в аудиторской группе — одна. Консультант по экспертизе. Человек, который знает коллекцию по памяти, по рукам и по полу. — Он сделал паузу и посмотрел прямо на меня. Первый раз за утро. — Мне сказали, что в этом доме такой человек есть. Ей недавно запретили подходить к витринам.

Тишина стояла такая, что я слышала, как за окном воробей садится на карниз.

— Ей, — повторила Лейла с той стороны зала. Голос её был мёдом с осколками. — Господин Халед, в этом доме есть семья, есть честь и есть порядок...

— Я не спрашивал про порядок. — Он даже не повернул головы. — Я спросил, кто двенадцать лет вёл описи. Ответ очевиден всем, включая вас. — И добавил, всё так же ровно: — Меня зовут Джем Халед. В моём присутствии честность работает быстрее чина.

Он открыл портфель, достал один лист и пододвинул его по столу ко мне. Я встала, подошла — ноги были ватовые, но шаг держала, — и прочитала: приглашение. Нет. Форма. «Заявление о согласии на включение в аудиторскую группу». Пустая графа для подписи.

— Подумайте до завтра, — сказал он.

— Мне не нужно до завтра.

Тогда он посмотрел на меня второй раз — по-настоящему, в упор, и взгляд его был как проверка на прочность: не тепло, не симпатия, а взвешивание. Так смотрят на сосуд, решая, выдержит ли он обжиг.

— Тогда подпишите сейчас. И учтите, госпожа... — он запнулся на моей фамилии, секунду, — Мира. Работа эта вас не украсит. Вам придётся копаться в грязи, читать подделки и спорить с людьми, которые сильнее вас. Результатом будет скандал, который сделает имя этого дома дурным словом на три поколения. Согласны?

— Согласна.

— Почему?

— Потому что моё имя они уже сделали дурным словом. — Я поставила подпись. Ровную, уверенную, с росчерком после «ф» слева, как всегда. — Пусть теперь моё имя будет на бумаге, которая это докажет.

Он забрал лист, глянул на подпись — задержался на ней на долю секунды дольше, чем нужно, — и что-то в его лице сдвинулось, едва заметно, как сдвигается плитка под ногой.

— Хорошо, — сказал он. И это «хорошо» прозвучало страшнее любого обещания.

Он ушёл так же, как пришёл, — и только после его машин сад снова задышал. Наджиб-ага принёс мне чай, поставил и сказал, глядя в сторону:

— Господин Халед никогда не просит. Он предлагает один раз.

— Я заметила.

— Госпожа... — старик понизил голос. — Про него говорят, что он за три года разобрал на части торговый дом, который обманул его семью. Полностью. До фундамента. Он не останавливается на середине.

— Мне не надо, чтобы он меня защищал, Наджиб. Мне надо, чтобы он поднял архивы.

— Он не сможет не поднять. — Наджиб-ага вдруг улыбнулся одними глазами. — Он смотрел на твою подпись, как хирург на снимок. Уже решил, где резать.

Вечером я вернулась во флигель и застала на пороге сверток: простая крафтовая бумага, бечёвка. Внутри был ключ. Один. От западной двери архива — той самой, к которой у меня был отозван доступ. Записки не было.

И только перевернув бечёвку, я нашла узелок бумаги размером с ноготь. Одно слово, чужим строгим почерком:

«Утром».

Я стояла посреди флигеля с ключом в кулаке — металлическим, холодным, своим первым за месяц, — и чувствовала, как по спине ползёт не радость, а настороженность. Люди вроде Джема Халеда не дают ключей из милосердия. Они дают их, когда человек нужен им для чего-то.

Осталось понять — для чего.

Глава 5. Золотая клетка с ключами

Утром в семь за мной пришла машина. Не к архиву — сначала в резиденцию, и водитель молча открыл дверь главного входа, куда меня месяц не пускали даже на порог.

В зале аудиенций уже стояли столы: сдвинутые, длинные, заваленные коробками с описями. Над ними склонились двое молодых ассистентов Джема, а сам он — без пиджака, рукава закатаны до локтя, часы с потёртым ремешком — раскладывал акты по колонкам. Он поднял глаза, когда я вошла, и не сказал ни «доброе утро», ни «садитесь». Сказал:

— Начнём с февраля. Показывайте.

И я показывала. Четыре часа. Я говорила — он слушал, и это было всё равно что впервые за год вдохнуть: шесть селадонов, их вес, их дефекты, у голубой глазурованной вазы была сколота ручка слева, я сама её реставрировала в тринадцатом году, любая подделка ручки выдаёт себя за сто шагов. Он записывал быстрее, чем я говорила, ни разу не переспросив дважды.

К полудню за нашей спиной возникла тень. Лейла. Она вошла в зал, как входит хозяин на чужой двор, и положила руку на край стола — на мои бумаги.

— В этом доме не принято, чтобы... спорные особы... сидели над фамильными вещами.

Джем не поднял головы.

— Уберите руку с документов.

— Вы в гостях, господин Халед.

— Я на работе. — Он закончил строку, отложил ручку и поднялся. Без спешки, без силы — но в зале стало на размер меньше воздуха. — Совет холдинга объявил аудит. Пока идёт аудит, всё, что лежит на этом столе, — не фамильное и не ваше. Это вещественные бумаги. Следующий, кто их коснётся без разрешения, будет отвечать перед советом за воспрепятствование экспертизе. Это я говорю в гостях. В другом месте я говорю короче.

Рука Лейлы убралась со стола. Не сразу — медленно, по миллиметру, как отнимают руку от горячей плиты, не желая показать, что ожог уже есть.

— И ещё, — добавил Джем, когда она повернулась уходить. — Госпожа Мира с этого дня — сотрудник аудиторской группы. Ей возвращается доступ в архив, в зал Б и в хранилище. На время аудита. Если у кого-то в этом доме есть возражения — они подаются письменно. В совет. Мне.

Он сел и снова взял ручку, будто ничего не произошло. А я стояла среди чужих бумаг и чувствовала, что во мне звучит, как камертон.

Вечером он вызвал меня в малый кабинет. Там было темно и по-деловому холодно; на столе — тот же потёртый портфель, чай, два стакана.

— Садитесь. — Он налил чай мне сам. Движение было точное, домашнее, и оттого — странное, из ряда вон. — Теперь о правилах. Их три, и они не обсуждаются.

Я села и обхватила стакан ладонями. Тёплый.

— Первое. Ваши письма, звонки, встречи — через мою канцелярию. Любой, кто захочет вам что-то передать, пройдёт через моих людей. Любое ваше слово, которое может стать показанием, сначала услышу я.

— Вы хотите меня контролировать.

— Я хочу, чтобы вы дожили до конца аудита, не став ничьим оружием. — Он смотрел не мигая. — У вас появились враги, о которых вы и не подозреваете. Второе. Ваши перемещения за территорией — с охраной. Машина, водитель. Не обсуждается.

— Я не ваша собственность.

— Нет. — И вот тут он наклонился вперёд, и голос его упал до той самой ровности, от которой у людей холодеет в затылке. — Вы — единственный эксперт, который может разобрать эту схему, и единственный свидетель, который нужен обеим сторонам. Пока идёт аудит, вы —

дороже этой резиденции. Дороже меня. Поэтому третье правило: если я говорю «молчите» — вы молчите. Даже если будут читать ваши подделанные подписи. Даже если будут ползать по вашему имени. Молчите. Слово я возьму на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.